

О РОЛИ СЕМЬИ В СТАНОВЛЕНИИ УЧЕНОГО (ПО МЕМУАРАМ И. П. ЛУПАНОВОЙ)

**Ирина Алексеевна
Разумова**

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона –
филиал ФИЦ «Кольский научный центр
Российской академии наук»
Апатиты, Россия, irinarazumova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Аннотация. Актуальными для современной науки и образования являются проблемы воспроизводства интеллектуальной среды и формирования профессиональных ориентиров молодых ученых. Социологические исследования показывают, что семейный фактор является одним из ведущих в формировании мотивации к научной деятельности. Цель статьи – выяснить, как осмысливается и презентируется в мемуарном повествовании опыт социализации ученого, воспитанного в семье интеллигенции советского времени. Проанализированы воспоминания филолога, профессора И. П. Лупановой (1921–2003). Она воспитывалась в семье «нестоличных» высококвалифицированных педагогов, обучалась и окончила аспирантуру в Ленинградском государственном университете под руководством выдающихся ученых-филологов М. К. Азадовского и В. Я. Проппа, затем до 1979 г. преподавала в Петрозаводском государственном университете. Ее воспоминания, написанные во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг., были подготовлены к печати и опубликованы учениками в 2007 г. после смерти автора. Первая часть книги представляет цельное повествование и включает период жизни от середины 1920-х гг. до осени 1950 г., то есть с раннего детства до окончания аспирантуры, защиты диссертации и начала самостоятельной работы. Анализ произведения с использованием понятий мемуарного хронотопа и биографического времени показал изменения социально-культурного пространства будущего ученого и педагога и роль родительской семьи на каждом этапе этого процесса. Семья, обладавшая достаточными воспитательными и социальными ресурсами, способствовала развитию познавательных интересов, сформировала мотивацию к занятиям наукой и русской словесностью, заложила ценности и качества личности, необходимые для успешного становления ученого в сложных социальных, бытовых и идеологических обстоятельствах постреволюционного и военного времени. Мотивация к научной деятельности укрепилась благодаря учителям-наставникам в науке, видным филологам. При этом влияние родительской семьи сказывалось на протяжении всей профессиональной и личной жизни мемуаристки.

Ключевые слова: семья, семейные ресурсы, воспитание, социализация, ученый, мотивация, биографическое время, мемуары, хронотоп, И. П. Лупанова.

Благодарности: Статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания ЦГП КНЦ РАН № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования: Разумова И. А. О роли семьи в становлении ученого (по мемуарам И. П. Лупановой) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 3 (23). С. 75–88. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88>

Сведения об авторе: И. А. Разумова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона – филиал ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук», 184200, Россия, Мурманская область, г. Апатиты, Академгородок, д. 40-а.

Scientific Article

UDC 392.3(323.329)+316.74

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88>

ON THE ROLE OF FAMILY IN THE SCIENTIST BECOMING (BASED ON THE MEMOIRS OF I. P. LUPANOVA)

Irina A. Razumova

Barents Centre of the Humanities, Kola Science
Centre of the Russian Academy of Sciences
Apatity, Russia, irinarazumova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Abstract. The problems of contemporary science and education are the reproduction of the intellectual environment and the formation of professional guidelines for young scientists. According to sociological studies, the family factor is one of the leading ones in the formation of motivation for scientific activity. The purpose is to find out the way of comprehension and presentation of the socialization experience of a scientist brought up in a Soviet intelligentsia family in the memoir narrative. The article analyzes the memoirs of I. P. Lulanova (1921–2003), philologist and professor. She came from a family of highly qualified teachers who were not from the capital, studied and completed her post-graduate studies at the Leningrad State University under the guidance of outstanding philologists M. K. Azadovsky and V. Ya. Propp, then taught at the Petrozavodsk State University until 1979. Her memoirs were written in the second half of the 1990s – early 2000s. In 2007, after the author's death, her students edited and published the work. The first part of the book is a complete narrative and covers the period of her life from the mid-1920s to the fall of 1950, that is, from early childhood to the end of her postgraduate studies, the thesis defense, and the beginning of her independent work. An analysis of the work using the concepts of memoir chronotope and biographical time shows changes in the socio-cultural space of the future scientist and teacher and the role of her parental family at each stage of this process. The family, which had sufficient cultural, educational and social resources, contributed to the development of cognitive interests, formed the motivation for studying science and Russian literature, laid down the values and personal qualities necessary for the successful development of a scientist in the difficult social, domestic and ideological circumstances of post-revolutionary and wartime. Teachers and mentors, who are prominent philologists, strengthened motivation for scientific activity. At the same time, the influence of her parental family affected throughout the memoirist's professional and personal life.

Keywords: family, family resources, upbringing, socialization, scientist, motivation, biographical time, memoirs, chronotope, I. P. Lulanova.

Acknowledgments: The study was funded from the federal budget as part of the state project No FMEZ-2024-0002 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Razumova, IA 2025, 'On the Role of Family in the Scientist Becoming (Based on the Memoirs of I. P. Lulanova)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (23), pp. 75–88, [http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88](https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-3-75-88) (in Russ.)

Information about the Author: Irina A. Razumova – Doctor of Science (History), Chief Researcher, Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, 40-a, Akademgorodok, Apatity, 184200, Russia.

Введение

Трудно не согласиться с социологами культуры в том, что одной из ключевых проблем для современных науки и образования является воспроизведение интеллектуальной среды (или сред – с учетом многообразия интеллектуальной деятельности). Если «консолидирующим фактором интеллектуальных сред советского типа было “пропускание через себя” текстов Большой культуры», то сейчас «вместе с начитанностью исчезает ряд критически важных компетенций, в первую очередь, связанных с грамотностью и нарративной рациональностью» [1, с. 84–85]. Формированию профессиональных ориентиров молодых ученых препятствуют не только институциональные проблемы науки, но и дефицит «личностного знания» в условиях широкой доступности «эксплицитного знания», когда при развитии информационных технологий сокращается сфера непосредственных глубоких взаимодействий, обучающих с обучаемыми [4]. По данным социологических исследований «наиболее значимым фактором, способствующим научным достижениям, являются старшие научные коллеги», а следующие по значимости факторы – это влияние родителей и образовательная среда школы и вуза. Они «в большей степени транслируют “личностные” компоненты компетенций». Семья формирует «мотивацию, установки, ценности, способы реагирования в различных ситуациях», а также «нацеленность человека на научную карьеру, его настойчивость, готовность приносить жертвы ради достижения цели, а также понимание социальной ситуации, которая складывается вокруг научной деятельности» [4, с. 30–31].

Как институт семья осуществляет «стандартизацию паттернов жизненного пути», обладая своей «структурой возможностей», которые связаны с историческими контекстами [11, с. 12], а также с социально-культурными типами семей. Предпринимались, в частности, исследования профессорской семьи, ее ценностей, традиций, образа жизни в аспекте династической преемственности научной деятельности и корпоративной культуры в дореволюционный период [6].

Процесс переосмысливания прошлого на рубеже XX–XXI вв. вызвал поток мемуарно-автобиографических текстов разных видов и жанров, в него влились воспоминания и автобиографии ученых-гуманитариев [5, с. 362–367]. А. Н. Дмитриев обратил внимание на то, что в академических мемуарах «детализованные описания детских и юношеских переживаний героя, его молодости (часто приходящейся на военные годы), наконец, семейных и дружеских отношений превращают сами исследовательские занятия героя в еще одну разновидность реализации его личности, родовых или индивидуальных паттернов» [5, с. 368]. Наша цель – показать, как в мемуарном повествовании отразился опыт социализации ученого, воспитанного в семье интеллигенции советского времени. Автор как любой мемуарист описывает и оценивает начало своего пути в науку «под действием индивидуального опыта и социальных стереотипов» [9, с. 111], проявляя при этом особенности личности, для которой как семья, так и научная деятельность обладали высокой ценностью.

Об авторе и книге

Ирина Петровна Лупанова (1921–2003) – доктор филологических наук (1962), профессор (1968), специалист по фольклору и детской литературе, заслуженный деятель науки Карельской АССР. Ее жизнь в профессии, исключая годы студенчества и аспирантуры, связана с одним университетом и одним городом – Петрозаводском. В 1939 г. она поступила на филологическое отделение Ленинградского государственного университета. В начале Великой Отечественной войны эвакуировалась с родителями в Сыктывкар, куда был отправлен Петрозаводский (тогда Карело-Финский) государственный университет, в нем работал ее отец. В 1943 г. продолжила учебу в Ленинградском университете, находившемся в эвакуации в Саратове. В 1947–1950 гг. училась в аспирантуре Ленинградского университета под руководством выдающихся

ученых-филологов М. К. Азадовского и В. Я. Проппа, в 1950 г. защитила кандидатскую диссертацию о русской бытовой сказке. С 1951 по 1979 г. преподавала в Петрозаводском университете им. О. В. Куусинена, много лет заведовала кафедрой русской и зарубежной литературы, ее докторская диссертация была посвящена русской народной сказке в творчестве писателей первой половины XIX в.¹.

И. П. Лупанова воспитала плеяду учеников, защитивших диссертации под ее руководством, из них несколько докторов наук, и фактически создала в университете научную школу по детской литературе. Ученики подготовили к печати рукопись воспоминаний и опубликовали книгу в университетском издательстве после смерти автора. «Друзьям-ученикам» она посвятила «труд, подводящий черту» под своей жизнью [7, с. 6].

На пенсию И. П. Лупанова вышла рано, подав заявление об уходе из-за разногласий с руководством университета [13, с. 60–61]. Воспоминания она начала писать во второй половине 1990-х, когда друг за другом из жизни ушли самые близкие: мать, муж, ближайшие подруги. Первая часть включает отрезок жизни от середины 1920-х гг. до осени 1950 г., то есть с раннего детства до начала работы в Петрозаводском университете. Это произошло после окончания аспирантуры и защиты диссертации, что можно считать завершением ученичества. В процессе написания воспоминаний ощущение того, что создать полное жизнеописание не хватит времени и сил, привело Ирину Петровну к решению использовать старые письма. Она выбрала переписку с двумя самыми любимыми учителями и прокомментировала содержание писем. Несмотря на фрагментарность избранной формы, содержательность второй части книги не пострадала.

Воспоминания И. П. Лупановой использовались С. Н. Филимончик как источник для изучения быта довоенного Петрозаводска, системы школьного образования в республике в 1930-е гг. и истории Петрозаводского государственного университета в послевоенный период [12; 13]²; а Е. Ф. Марковская по архивным материалам исследовала родословие и выяснила подробности биографии родителей мемуаристки – А. Г. Бонч-Осмоловской и П. А. Лупанова, не известные даже их дочери [8].

Родительская семья и воспитание

Александра Георгиевна Бонч-Осмоловская (1888–1980 гг.) обучалась филологии на Бестужевских курсах в Петербурге, преподавала русский язык и историю литературы в петрозаводской женской гимназии, в Олонецком епархиальном женском училище, которое стало педучилищем, позже – в Карельском педагогическом институте, много занималась методикой преподавания русского языка; заслуженный учитель школы КФССР³, кандидат филологических наук. По мнению историков и педагогов Карелии, она стояла у истоков образования в республике. Петр Андреевич Лупанов (1891–1955 гг.) заведовал кафедрой химии Карело-Финского государственного университета, доцент, заслуженный деятель науки КФССР.

По свидетельству И. П. Лупановой, о дореволюционном прошлом семьи родители говорить не любили. О предках матери она знала, что они «из потомков польского рода, предположительно ссыльных, дворян» [7, с. 18–19], а об отце, что «он родом “из архангельских мужиков”». В последнем она сомневалась, полагая, что «мужик» означает крестьянин, а он вряд ли смог бы получить до революции высшее математическое образование в Петербургском учительском институте. В свое время узнав, что отец закончил еще и военное училище, она пришла к выводу, что тот «революцию встретил отнюдь не в “большевистском стане”» [7, с. 29]. А. Г. Бонч-Осмоловская, действительно, происходила из знатного рода⁴, ее отец был надворный советник и служил в Управлении государственными имуществами Олонецкой губернии, поэтому к ссыльным отношениям не имел. Отец П. А. Лупанова был служащим земской больницы. В 1917 г. он, имея высшее образование и отбыв в военном

училище воинскую повинность, вначале продолжил учительствовать, а в 1920 г. был направлен в Петроград получать второе высшее образование по специальности «химия» [8, с. 34–36]. Заметим, что все предположения дочери, являясь оправданиями с позиций советской или постсоветской идеологии, служат для подтверждения оппозиционности интеллигенции к любой власти.

В образе матери автор мемуаров подчеркивала уравновешенность, равнодущие к нарядам, и главное – педагогические способности и миссию: «Приходит, готовит ужин и садится проверять тетради. Я так и засыпаю обычно при свете ее настольной лампы». Несмотря на занятость, мама успевает и погулять с дочкой, «и почитать что-нибудь, чего самой мне еще не осилить (того же Сенкевича), и поговорить о том, что я читаю сама. Я никогда не слышу от нее ни окрика, ни одного грубого слова. Вместе с тем я знаю, что если сильно провинюсь – пощады не будет. При всей мягкости и покладистости у мамы “железный характер”». Это свойство, не имевшее обычно внешних проявлений, обнаруживалось в единичных воспитательных ситуациях, которые не могли не запомниться навсегда. Однажды дочка, обидевшись на отца, замахнулась на него ножом. Отец обратил все в шутку, а мама «не захотела простить мне этот порыв ярости», и на неделю перестала ее замечать. После пережитого стресса дочь всю жизнь «больше всего на свете боялась как-нибудь огорчить или рассердить маму. В детстве это выражалось в абсолютном, беспрекословном послушании, хотя мама никогда на меня не давила и не требовала от меня никаких жертв» [7, с. 16–17]. Выходки дочки, склонной к озорству, мать не возмущали, «лишь бы это было не вред здоровью».

Отец, напротив, был вспыльчив, но жена – «единственный человек, на которого он никогда не повышает голос», потому что «на заре их семейной жизни однажды накричал на нее и хлопнул дверью», после чего испытал на себе сходный способ воспитания [7, с. 19–20]. В отце мемуаристка неоднократно отмечает красивую внешность и то, что он – любимец женщин. В ее детстве П. А. Лупанов преподавал в двух техникумах и на рабфаке, но дома много занимался с дочерью: рисовал, мастерил игрушки, играл с ней в театр теней, конструктор. Рассказ об одной из игр-розыгрышей содержит некий символический смысл. По условию игры в Москве создается комиссия по отправке в космос, дети могут понадобиться, для этого надо тренироваться. Дочь так и делала, а на заявление что это первый полет, из него можно не вернуться и никогда больше не увидеть маму с папой, ответила «твердо и высокопарно: “Ради науки можно и погибнуть”». История закончилась «письмом» о том, что лунная экспедиция откладывается, а девочке рекомендуют прочитать книгу Жюля Верна «Из пушки на Луну», присланную в подарок [7, с. 24].

При всем стремлении к разностороннему развитию ребенка и самообразованию у отца было четкое представление о выборе профессии. Однажды дочка «страстно» захотела учиться музыке. Мама не возражала, а отец был против: «...музыканта из тебя не выйдет, а просто бренчать ни к чему (...). Если уж чем заниматься, так настоящим делом!» [7, с. 26]. Увлечений у дочери хватало. С детства она любила спорт. Увлекалась энтомологией: еще до школы изучила отцовский атлас бабочек, проводила «опыты» с жуками. В этом ее поддерживал и дарил книги часто гостивший в доме видный энтомолог профессор В. А. Догель из Ленинграда – учитель и коллега П. А. Лупанова. Насекомых в доме сменили птицы, затем наступила «эра кошек», которые стали постоянными членами семьи и оставались ими всю жизнь. При разнообразии увлечений главным было чтение. Вовлеченность в книжную культуру, будучи органичной частью семейного бытия, мотивировала к занятиям литературой. К этому прилагались такие семейные качества, как твердость характера, целеустремленность, трудоспособность, общительность.

Биографическое время и пространство

К мемуарному тексту применимо бахтинское понятие хронотопа с учетом определенных свойств времени-пространства этого вида литературы. К ним относятся «ретроспективность повествования, биографическое время, включение личного времени рассказчика в историческое время и субъективное его переживания, оценочность, протекание в реальном пространстве» [3, с. 69] – географическом и социальном, личносно освоенном, меняющемся в течение жизни конфигуративно, содержательно, по степени значимости, плотности и т. д.

Первым пространством ребенка является родительский дом в единстве его материальности и обитателей. Самые ранние впечатления детства И. П. Лупановой предстают в виде описания большой комнаты с печью, столом, несколькими стульями, четырьмя кроватями и стеллажом с книгами; комната «казенная» (так говорят взрослые). Это минималистский быт городской семьи 1920-х годов, у которой мало «собственности», но есть духовные запросы и желание уюта: «Лично родителям принадлежат только занавески на окнах, голубой стеклянный фонарь-светильник и книги. И еще, кажется, моя деревянная кроватка». Людей в комнате пятеро: родители с ребенком и бабушка с дедушкой. Дом открытый, сюда «часто приходят гости (...). Разговоры ведутся за полночь. Обсуждаются учительские дела, упоминаются знакомые и незнакомые мне имена» [7, с. 10].

С переезда на новую квартиру начинаются «более отчетливые и хронологически упорядоченные воспоминания». Квартира уже кооперативная, четырехкомнатная, члены семьи в ней пространственно и функционально упорядочены: «Одна комната сразу же выделяется деду, вторая должна стать кабинетом отца, третья – спальня родителей. Последняя, изолированная комната, получает ранг столовой. Здесь в мое распоряжение поступает угол, где я могу хранить игрушки, книжки и прочий пока еще не очень объемный скарб» [7, с. 12]. Вектор в образовании, формировании интересов ребенка задавала библиотека: «Родители очень заботились о моей личной библиотеке – на подаренной мне этажерке красовались томики Ф. Купера, М. Рида, Ж. Верна, В. Скотта, великолепная серия повестей и рассказов о животных – “Лики звериные”, шедевры мировой детской классики». Не здесь ли коренился любовь к детской литературе профессора И. П. Лупановой? И ребенка «неудержимо влекло к шкафам и стеллажам со взрослыми, родительскими книгами», там «были обнаружены кипы старых журналов – “Вокруг света” и “Всемирный следопыт”, битком набитых фантастикой и детективами, томики рассказов Честертона, а главное – несколько книжек Аркадия Аверченко», которые надолго стали настольными [7, с. 53–54].

Отношение к вещам – важный показатель семейной культуры, оно ярко проявляется в кризисных ситуациях переездов [10]. Когда мемуаристка пишет о «вещевых» приоритетах семьи, то делает акценты на непрактичности родителей и на их стремлении к эстетизации домашней среды. Здесь ценились, кроме книг, вещи памятные, красивые, старинные, произведения искусства. Для их приобретения появилась возможность в предвоенные годы, и квартира, в которой семья жила до эвакуации, «стала приобретать более благообразные очертания» [7, с. 71]. «Хотя мы никогда не жили богато, все же родителям было что потерять в этой проклятой войне (...). Папе ведь удалось вывезти в Сыктывкар только два чемодана (...). В чемоданы он уложил то, что считал ценным: две энциклопедии, несколько десертных тарелочек “под старину” из Бронниц, серебряные сахарницу, кружку и кофейник, которые в досюльные времена выменял на петроградском рынке за несколько буханок хлеба (...). Ну, и кое-какие тряпки – свои и наши с мамой. Да еще снял со стен все картины, кроме одной, уж слишком громоздкой. ...Так что в Сыктывкаре мы пили чай из его мензурок, а суп и картошку мама наливала и укладывала в ванночки,

предназначенные для проявления фотографий (их он тоже взял с собой вместе с фотоаппаратом). Зато на стенах красовались клеверовские пейзажи» [7, с. 157].

Во время оккупации дом сгорел. По возвращении семье дали две комнаты в трехкомнатной квартире в университете доме. «После нашей просторной, уютной квартиры на Садовой улице нынешняя выглядела донельзя убогой. Зато – дома! Зато – без войны!...»; «не было в доме даже намека на горечь утрат (...). Была обычная в нашей семье атмосфера душевности и взаимного дружелюбия, и радости, потому что все живы, потому что опять все вместе». Гостившая подруга «была просто потрясена этим семейным настроем» [7, с. 157–158].

Пространственные рамки существования человека расширяются благодаря родственной сети и ближайшему окружению. Будучи коренной петрозаводчанкой, И. П. Лупанова родилась в Торопце. Там жила сестра матери, она работала провизором и имела знакомых среди врачей, что в 1921 г. для роженицы было особенно актуально. От поездок к тете сохранились впечатления о Торопце – городке «старинном», «деревянном», со множеством каменных заброшенных церквей, о маленьком тетином домике с протекающей крышей и более чем непрятательным убранством, из которого прикрывалась от протечки лишь полка с книгами, а также восхищение характером родственницы: она была «эталонный образец доброты и бескорыстия» [7, с. 35–36]. Вторая тетя жила в Ленинграде, получала музыкальное образование. Ее комната в большой коммунальной квартире показалась ребенку «очень красивой, главным образом, за счет сверкающего черным лаком пианино». Общение с этой тетей и ее коммунальными соседями расширили кругозор ребенка в части знаний о музыкально-песенном массовом репертуаре конца 1920-х – первой половины 1930-х гг.: от дворовых песен, городских романсов до запрещенных произведений Вертиńskiego [7, с. 32–35]. Сам же город казался «хмурым, темным и неприветливым» после Петрозаводска «с его садами и синим озером, к которому спускаются все главные улицы» [7, с. 32]. Пройдет немного лет, и после первого года учебы в университете мемуаристка будет называть Ленинград только родным городом.

В ближний круг родителей входили, прежде всего, педагоги, так что возможности для разностороннего образования ребенка были. В семье решили учить дочь дошкольницу французскому языку, невзирая на ее отвращение к этой идее. Так появилась первая учительница и осталась в воспоминаниях как яркая личность. Происходившая из высокопоставленной семьи, вдова полковника, погибшего в Первую мировую, она получила образование в Смольном институте и в Сорбонне. Её дети были лишены права на поступление в вуз, но «именно те качества, которыми снабдил ее Смольный институт, помогли ей бороться с трудностями и выстоять в этой борьбе», «пробить стену»: советская власть в лице предсвнаркома Карелии Э. Гюллинга «пошла навстречу – дочь и сын поступили в ленинградские институты». По мнению И. П. Лупановой, эти качества – «сила воли» и «твердость духа» [7, с. 38–39]. Они были также у матери мемуаристки, и, согласно стереотипу, соответствуют «строгому дворянскому воспитанию». А. Н. Дмитриев полагает, что преемственность с дореволюционной интеллигенцией, которая стала если не идеализироваться, то восприниматься «как некоторая точка отсчета» для «советского профессора», утверждалась в начале 1970-х годов вследствие «разочарования шестидесятническим активистским футуризмом» [5, с. 358–384].

Если дошкольное детство разделено во времени переездом с квартиры на квартиру, то школьное – движением по ступеням образования. На каждом этапе дом и школа связаны сложными отношениями, особенно если родители сами педагоги, а дом одновременно служит образовательным пространством. При поступлении в школу (1 сентября 1929 г.) учительница, восхищенная беглым и выразительным чтением девочки, предложила определить ее во второй класс. Мама отказалась, считая,

что «одно беглое чтение погоды не делает», и «по другим предметам следует начинать с азов» [7, с. 40]. Школа расширила общение со сверстниками и учителями, но сопровождалась неприятностями. К ним относились арифметика, публичные физкультурные мероприятия, ранний подъем, общественная работа. Зато были площадки для проявления литературных и ораторских способностей: стенгазета и «политбои», требовавшие «умения «выступать» и хорошей памяти, позволяющей удерживать политическую информацию». Этим ученица поражала сверстников и учительницу, которая после одного такого «боя» сделала ей «неслыханный комплимент: «Ира у нас будет профессором!» (не смешно ли – как в воду глядела!)» [7, с. 49]. И все-таки «настоящая жизнь начиналась (...) за школьными стенами. В этой внешкольной жизни была масса увлечений. Прежде всего – книги» [7, с. 53–54]. При всей любви к школьным занятиям физкультурой девочке было жаль, что «они проходят в основном в тех же стенах, из которых (...) все время хочется вырваться на свободу» [7, с. 54].

Переход в 8-й класс был воспринят как рубеж. Изменился круг подруг, состав учителей. Выделялась изо всех учитель русского языка и литературы Р. Н. Миролюбова, благодаря которой впервые за все годы обучения школа стала для ученицы родным домом, возникла потребность общаться с учителем вне школы, в домашней обстановке, например, участвовать в ее велосипедных прогулках со старшеклассниками. Важно, что «дружеские отношения были вынесены за пределы школьных стен» [7, с. 80].

Период получения высшего образования у И. П. Лупановой разделился на этапы в соответствии с переменой города и вуза в годы войны, что отражает оглавление этой части книги: «Ленинград» – «22 июня» – «Сыктывкар» – «Саратов» – «Снова Ленинград». Решения о месте учебы принимались на семейном совете. Перевод в Петрозаводский университет был обусловлен работой отца, желанием семьи не разъединяться. Ни молодой университет, ни город Сыктывкар в представлениях студентки не выдерживали сравнения с прежним местом учебы. Ее устраивали занятия только тех преподавателей, которые приехали из Москвы и Ленинграда, и очень удивили блестящие лекции местного преподавателя, который, по ее позднейшему предположению, наверняка попал «в этот заштатный город, отгороженный от мира цепью концентрационных лагерей», после лагеря и ссылки [7, с. 114]. Учебу осложнял суровый быт студентов, которых привлекали к работе на лесосплаве и на лесозаводе. Учась «по необходимости в ПГУ⁵», И. Лупанова «не переставала мечтать о Ленинградском университете», «хотела закончить именно его, и не иначе, как ученицей Азадовского» [7, с. 125]. Продолжая считать его научным руководителем, переписывалась с ним. М. К. Азадовский договорился о ее переводе в Саратов, куда был эвакуирован ЛГУ⁶. Пребывание в Сыктывкаре закончилось, когда А. Г. Бонч-Осмоловскую пригласили на работу в Карелию, в Кемь («поближе к родным местам»), где создавался Учительский институт. Историю перевода и переезда мемуаристка называла «тайным побегом». Путь до Саратова растянулся надолго, был очень сложным и физически тяжелым. Потребовалось в полной мере проявить твердость характера и умение преодолевать любые преграды на пути к цели. Она добралась до Саратова, где тогда преподавал В. Я. Пропп, а после с университетом вернулась в Ленинград.

Статус родителей (в том числе высокая должность матери в правительстве КФССР), моральная поддержка и возможности материально-бытовой помощи с их стороны, а также повышенная стипендия предоставляли способной студентке минимум обеспечения, позволяющий не прерывать интенсивных занятий даже в тяжелых условиях эвакуации и карточной системы. Большую роль играла и расширенная «сеть поддержки». В нее включались научные руководители, которые не только об-

разовывали, но и опекали, помогая в житейских трудностях, а также некоторые другие преподаватели, профессора. Мемуаристка свидетельствует, что с научными наставниками у нее устанавливались отношения «домашние», то есть высокой степени доверительности. То, что наставники ее отличали от других, стимулировало научные интересы и укрепляло уверенность в своих возможностях

Историческое время и противостояние

«Большая история» в ее потаенной части, от которой защищает родительский дом и о которой не говорят в школе, вторгается в жизнь по мере расширения социального мира ребенка. Вначале в виде рассказов жильцов ленинградской коммунальной квартиры тети о том, как кого-то «взяли», затолкали в комнату, держали стоя, да и «сами биографии тетиных соседок таят в себе какие-то мрачные тайны» [7, с. 32]. О муже торопецкой тети говорили, что он умер, но «из подслушанных взрослых разговоров» известно, что его «забрали», как и куда, ребенку неясно [7, с. 36]. От родителей она ни разу не слышала сетований на судьбу, трудности быта «не мешали отцовским шуткам», но однажды отец пришел мрачным, так как увидел на улице синих и распухших от голода ребятишек. Он «угрюмо молчит», а потом «говорит, не глядя на меня: “Кулаков переселяют”». Все то, что дочка знала про кулаков из школы, не соответствовало такой реакции и вызвало недоумение [7, с. 67].

Два мира начинают существовать параллельно. С одной стороны, во второй половине 1930-х улучшился быт, стало больше праздников: «Вернулась новогодняя елка. Под названием “Проводы русской зимы” вернулась Масленица» [7, с. 73]. На Масленицу у родителей собирались преподаватели педучилища, квартира это позволяла. С другой стороны, нельзя было «не заметить, что в спокойной, жизнерадостной атмосфере нашего дома возникли нотки какой-то тайной тревоги», был собран «чемоданчик»; «по ночам я слышала сквозь сон через стенку долгие разговоры шепотом в родительской спальне, с работы они приходили с посеревшими лицами» [7, с. 84]. Мемуаристка пишет, что пониманию происходящего противилось ее «пионерско-комсомольское воспитание», а отец пытался «найти хоть какое-то рациональное зерно в разворачивающемся театре абсурда» [7, с. 85].

Мимо семьи «прошла весьма серьезная опасность». Стало известно, что в архиве нашелся список членов петрозаводской кадетской партии с именем А. Г. Бонч-Осмоловской (о котором она сама не знала). «Но ... вместо несчастья в нашу семью вошли чудеса»: в мае 1939 г. маме вручили орден Трудового Красного Знамени, а весной 1940 г. ее избрали в Верховный Совет Карело-Финской республики первым замом председателя – Отто Куусинена. От этой «потрясающей новости» отец и дочь «просто обомлели. Не от радости, а от неожиданности и ужаса (...), потому что мы-то уж знали, как не подходит к означенной роли наша эталонно интеллигентная мама, как трудно ей будет с ее честностью и деликатностью “соответствовать” высокому назначению! Конечно, мы сразу поняли, что ее роль будет чисто декоративной: иллюстрация нерушимости блока коммунистов и беспартийных» [7, с. 86]. Две тетки (сестры мамы) при этом известии заплакали, «отнюдь не от радости» [7, с. 87]. Вспоминая и оценивая ситуацию из конца 1990-х, мемуаристка выражает несколько типичных идей, касающихся статуса интеллигенции: о несовместимости человека высокой культуры с властью, об опасности пребывания в ней и об ответственности за любое порученное дело перед народом. О последнем свидетельствуют перемены в жизни семьи: «К маме стали многие обращаться со своими бедами, ей пришлось установить приемные часы, «ее собственная и наша с папой жизнь стали просто невыносимы» [7, с. 87]. Изменилось и семейное окружение, в нем появились «не свои»: «Наш дом наполнился людьми, которые до того и близко к нему не подходили: от наркома просвещения до нового ректора университета, который еще недавно говорил про моего отца: “Этот Лупанов какой-то не наш человек”» [7, с. 85–86].

И. П. Лупанова пишет, что политика исключалась из общесемейных разговоров, ей предоставлялось думать, «как учат в школе, в комсомоле, в прессе», и теперь она понимает, что стремление родителей оградить ее от их собственных сомнений было продиктовано заботой. «Честные русские интеллигенты, они сердцем приняли революцию, искренне ей служили, хотели верить в справедливость пришедших с ней порядков. Именно хотели, но, очевидно, не всегда могли». В дочери же «воспитывали только чисто человеческие качества: чувство долга, верность слову, сострадание к ближним (...), искренность, справедливость» [7, с. 92–93].

Во многом организующую роль в мемуарах постсоветской интеллигенции из «принципиально разных политических и идеинных лагерей» выполняют «сюжеты борьбы за научное достоинство» и образ противника («Гонителя»), который воплощает власть, партийные и чиновничьи инстанции, цензуру и т. д. [5, с. 369]. В такой ситуации И. П. Лупанова оказалась в Ленинградском университете в связи с печально известной кампанией «борьбы с космополитизмом», в результате которой в ряду других коллег пострадал ее почитаемый научный руководитель М. К. Азадовский. Мемуаристка называет 1949 г. трижды проклятым. Незадолго до этого ей, отличнице и общественнице, не дали «тихо выйти из комсомола» и приняли кандидатом в члены партии, чему она нашла объяснение: «Мое “звездное” положение на факультете не допускало выпадения из поля зрения начальства». В связи с судилищем над опальными учеными Лупановой предложили выступить с обвинением, она отказалась и написала матери, что, наверное, ее выгонят из аспирантуры, в ответ получила поддержку: «“Ну и пусть выгоняют, нельзя предавать учителей”» [7, с. 177]. «Однако этим поступком мое мужество оказалось исчерпано», – замечает мемуаристка, имея в виду, что, по совести, было бы выступить в защиту.

Граница между «своими» и «чужими» подвижна: к тем и другим в контексте конкретной ситуации могут относиться представители любых этажей власти, университетского руководства, ближайших коллег и пр. Позиция действующих лиц противостояния оценивается, прежде всего, по этическому критерию («нравственному выбору»), а обосновывается мотивами «страха» [2] и, соответственно, «стыда». В нашем случае молодая аспирантка руководствовалась понятиями «верности» и «справедливости», рефлексируя по поводу «подлой своей трусости» и недостатка «мужества» [7, с. 178]. Судя по второй части книги и биографическим фактам, И. П. Лупанова и в дальнейшем ориентировалась на этот усвоенный с детства императив, придерживалась независимой линии поведения, что и стоило ей в конце 1970-х гг. профессорской должности вопреки всем научно-педагогическим заслугам.

Личная жизнь

Ирина Петровна считала, что отец воспитывал в ней мальчишку. Она с удовольствием и на равных участвовала в дворовых мальчишеских играх, являлась «обладательницей великолепного лука, подаренного папой», и дома с папой они тренировались в меткости, дырявя стенки, что доставляло маме огорчения [7, с. 13]. В ее игрушечном хозяйстве было мало кукол, зато она любила зимний каток, «бегать на лыжах по заснеженному лесу. Летом – плавать в озере, а еще больше плавать по нему на лодке. Я научилась грести еще в шесть лет, и мне доставляет огромное удовольствие чувствовать, как большая тяжелая лодка легко подчиняется моим веслам» [7, с. 54–55].

Внешний облик и скромность одежды девочку не смущали, напротив, когда ей сшили единственное выходное платье для посещения театра, она заплакала («как это я вдруг появлюсь перед одноклассниками “в шелках”»), надела платье, «чтоб не огорчать маму», и в антрактах пряталась за колонной [7, с. 67]. Непрятательность к одежде, сопутствующую высоким духовным запросам, И. П. Лупанова подчеркивает у своей матери и ее сестры. Конечно, на женскую одежду влияли, прежде всего,

материально-бытовые факторы своего времени, но переживалось и преодолевалось их действие по-разному. Социальное неравенство Ирина восприняла уже сквозь призму девичьих переживаний. В Крыму на детском пляже («что-то вроде детского санатория»), куда девочку определили после болезни, она ощущала себя «вне общества» и стала объектом насмешек, так как оказалась среди дочерей каких-то «ответственных работников»: «на всех были невиданной красоты купальники, вылезая из которых они надевали столь же невиданной красоты платья» [7, с. 45]. Маме, догадавшейся о ее состоянии, пришлось забрать дочь домой.

Женскую природу мемуаристка проявляет в высокой степени, как будто утверждая ее вопреки семейному воспитанию. Немало страниц воспоминаний посвящено ее взаимоотношениям с друзьями-ухажерами школьных и аспирантских лет, в обеих частях книги часто упоминаются многочисленные поклонники. В зарисовках быта разного времени особое место занимает женская одежда, сложности ее добывания, изготовление, качество. При всем том в автоописании не без гордости подчеркиваются собственная спортивность, умение многое делать своими руками, способность сконцентрировать усилия на преодолении житейских преград, включая физические. Эти свойства можно отнести как к последствиям отцовского воспитания, так и к стремлению быть независимой, сохранять физическую форму, необходимую для человека публичной профессии. К. Г. Фрумкин отмечает, что в 1960–1980-е гг. произошла юниоризация образа ученого. Типичному ученому стали приписываться «молодежные, квазимолодежные, «современные» черты»: освоение различных видов спорта и активного отдыха, новейших направлений в искусстве и т. д. Эти качества преодолевали отстраненность, которая традиционно закреплялась за ученым, при этом «две традиции, старая и новая, «профессорская» и «шестидесятническая» существовали в культуре параллельно» [14, с. 179–180].

От родителей, прежде всего, от матери, дочь не отрывалась всю жизнь. Исключение – перерывы в годы войны и учеба в Ленинграде, и то с постоянными встречами во время каникул. «Проводниками» в жизни на этапе образования и вхождения в науку стали вузовские преподаватели, научные руководители. И «неразделенная любовь всей жизни» тоже была связана с одним из учителей, ленинградским профессором-филологом. При этом связь с родительской семьей оставалась нерушимой, как и наставническая роль матери и отца.

Привязанность к родителям и профессиональная целеустремленность сказывались на мотивах создания собственной семьи. Первый брак Ирины Петровны был заключен, по существу, в своей семье – с двоюродным братом. Война лишила его родителей и дома, и он стал жить с родными в Петрозаводске. Вначале, приехав на очередные каникулы, дочь была недовольна, что в родительском доме будет тесно, и не отдохнуть от душевных переживаний (связанных с безответной любовью). Однако родственник оказался добрым, заботливым, привез подарки: «И в Ленинград я возвращалась в сознании, что кроме родителей есть теперь в отчим доме еще один человек, который дорожит моим вниманием, моей дружбой» [7, с. 169]. Мемуаристка не скрывает, что «не испытывала к своему будущему мужу настоящей любви», и это была попытка по принципу «клип клином» отдалить образ любимого человека, тем более что кузен по-сыновьему относился к ее родителям [7, с. 173]. Через несколько дней после заключения брака в Ленинграде она «проводила своего молодого мужа в Петрозаводск и засела за книги». Тот часто приезжал на побывку, «времени для занятий во время его приездов не оставалось». Возникло огорчившее ее обстоятельство: «замужество и связанное с этим несколько халтурное отношение к своим аспирантским обязанностям внесло некоторое охлаждение в наши отношения с руководителем» [7, с. 176–177]. Брак впоследствии распался. После защиты диссертации Ирине Петровне предлагали на выбор несколько мест работы, в том числе Ле-

нинградский университет, но она удивила комиссию, попросив о направлении в Петрозаводск («провинциальную глушь»). «Конечно, если бы я сказала, что еду к мужу, это внесло бы некоторую ясность. Но я этого не говорила, потому что это не было для меня главным. А главным было то, что я не хотела разлучаться с родителями» [7, с. 183].

Второй брак был значительно более продолжительным и счастливым, до смерти супруга – историка и преподавателя петрозаводского вуза Е. М. Эпштейна (1923–1993 гг.). Тем не менее, в конце мемуаров, подводя итоги, автор напишет, что вышла за него замуж, «потому что он был похож на Г. А. – не только складом интеллекта, но даже и внешне». А далее следует признание: «Даже докторскую диссертацию я писала не только потому, что была увлечена процессом работы, но и потому, что где-то в подсознании ютилась потребность доказать пренебрегшему мной идолу, что и я чего-то стою» [7, с. 307].

Когда через несколько месяцев после тяжело пережитой смерти матери (в 1980 г.) у Ирины Петровны постепенно начали восстанавливаться все интересы, «единственное, что ушло напрочь – это интерес к моей специальности, к моей науке!». Ей «опротивел письменный стол», она перестала читать специальную литературу, прервала переписку с фольклористами и объявила ученикам, «чтоб не ждали ни советов, ни консультаций». Свое состояние она связала «с непреходящим сожалением, что из-за увлеченности наукой я недостаточно уделяла времени общению с самым дорогим для меня человеком» [7, с. 283]. Можно объяснить такое настроение и слишком ранним, особенно для ученого и профессора, уходом (по «принципиальным основаниям») из университета, в котором она проработала много лет. А можно довериться автору – на основе предоставленного мемуарами знания о роли родительской семьи в ее профессиональном становлении.

Заключение

Книга воспоминаний И. П. Лупановой подтверждает многие стереотипы «ученого» и «интеллигенции», которые обрели устойчивость и воплотились в трансмембранные образы во второй половине XX в. [14, с. 165–181]. И в то же время какие-то из них она опровергает, прежде всего, миф о самородках как двигателях науки, который ставит под сомнение значение семьи и воспитания в становлении ученого [14, с. 209].

Семья нестоличных педагогов высокой квалификации 1) сформировала у единственного ребенка устойчивый познавательный интерес, увлекла наукой вообще и русской словесностью в частности; 2) передала личное знание о способах научно-педагогической деятельности; 3) заложила ценности и качества личности, необходимые для реализации «жизненного проекта»; 4) обладала не только культурными, но социально-статусными и материальными ресурсами для того, чтобы обеспечить ребенку достойное образование вопреки обстоятельствам постреволюционного и военного времени. Вместе с авторитетом родителей и глубокой эмпатией к ним это создало мотивационную основу и предоставило возможности дочери для профессиональной социализации. Укрепилась же мотивация к научной работе благодаря способности будущего ученого и педагога увлекаться яркими людьми из числа учителей, за которыми она следовала и которым сохраняла верность.

Примечания

1. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. 503 с.
2. Филимончик С. Н. Питание городского населения Карелии в условиях «социалистического штурма» начала 1930-х гг. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 322–327; Её же. Образование и просвещение в Советской Каре-

лии (1918–1939). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 150 с.; Её же. Деятельность Карело-Финского государственного университета в эвакуации (1941–1944) // Непрерывное образование: XXI век. 2022. Вып. 4 (40). <https://lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=8012> (дата обращения: 05.08.2025).

3. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика.
4. Родословие было восстановлено потомками: 500 лет рода Бонч-Осмоловских: Осмоловские гербы Бонча / авт.-сост. М. А. Бонч-Осмоловская. М.: Науч. книга, 2018. 967 с.
5. Петрозаводский государственный университет.
6. Ленинградский государственный университет.

Список источников и литературы

1. Андреев А. Л. Гуманитарное образование и интеллектуальные среды // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития : сб. науч. тр. М.: Центр социол. исследований, 2016. С. 77–86.
2. Бессмертная О. «Война мемуаров»: мотивы страха в рассказах о советском прошлом двух медиевистов-противников и (не)советские субъективности (Е. В. Гутнова и А. Я. Гуревич) // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 79–103.
3. Володина Н. В. «Мемуарный хронотоп» как литературоведческое понятие: к постановке проблемы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 2. С. 66–71.
4. Гаврилова Е. В., Ушаков Д. В., Юрьевич А. В. Трансляция научного опыта и личностное знание // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 29–36.
5. Дмитриев А. Н. Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти? // Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов / ред. Е. А. Вишленкова, И. М. Савельева. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 358–384.
6. Корзун В. П., Колеватов Д. М. Профессорская семья: стиль жизни, ролевые функции в поле научной повседневности // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2. С. 226–249.
7. Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». Книга о пережитом. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2007. 314 с.
8. Марковская Е. Ф. Время и люди первой половины XX века: семья Лупановых // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 33–40.
9. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругль, 2011. 560 с.
10. Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. М.: Наука, 2021. 191 с.
11. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей // Вестник СПбГУ. Сер. 12: Социология. 2016. Вып. 3. С. 4–19.
12. Филимончик С. Н. Жизнь университета в 1940–1970-е годы глазами профессора И. П. Лупановой // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2021. № 9-2. С. 122–131.
13. Филимончик С. Н. Российский университет середины XX века как коммуникационное пространство в книге И. П. Лупановой «Минувшее проходит предо мною» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 54–63.
14. Фрумкин К. Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 352 с.

References

1. Andreyev, AL 2016, 'Gumanitarnoye obrazovaniye i intellektualnyye sredy' (Humanitarian education and intellectual environments), *Obrazovaniye i nauka v Rossii: sostoyaniye i potentsial razvitiya* (Education and science in Russia: status and development potential), Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy publ, Moscow, pp. 77–86. (In Russ.)
2. Bessmertnaya, O 2020, 'Voyna memuarov': motivy strakha v rasskazakh o sovetskem proshlom dvukh mediievistov-protivnikov i (ne)sovetskiye subyektivnosti (E. V. Gutnova i

- A. Ya. Gurevich)' (The "Memoirs War": Fear Motifs in the Narratives of the Soviet Past by Two Medievalist-Adversaries and (Non-) Soviet Subjectivities (Evgenia Gutnova and Aron Gurevich)), *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 2 (162), pp. 79–103. (In Russ.)
3. Volodina, NV 2017, 'Memuarnyy hronotop' kak literaturovedcheskoye ponyatiye: k postanovke problemy' ("Memorial chronotope" as a literary concept: problem of definition), *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (77), pp. 66–71, doi: 10.23859/1994-0637-2017-2-77-9 (In Russ.)
4. Gavrilova, YeV, Ushakov, DV & Yurevich, AV 2015, 'Translyatsiya nauchnogo opyta i lichnostnoye znaniye' (Broadcasting scientific experience and personal knowledge), *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (Sociological Studies), no. 9, pp. 29–36. (In Russ.)
5. Dmitriyev, AN 2013, 'Memuary postsovetskikh gumanitariyev: standartizatsiya pamyati?' (Memoirs of post-Soviet humanities scholars: standardization of memory?), *Sosloviye russkikh professorov: sozdateli statusov i smyslov* (The estate of Russian professors: creators of statuses and meanings), ed. Ye. A. Vishlenkova, I. M. Savelyeva, ID VSHE publ, Moscow, pp. 358–384. (In Russ.)
6. Korzun, VP & Kolevatov, DM 2010, 'Professorskaya semya: stil zhizni, rolevyye funktsii v pole nauchnoy povsednevnosti' (Professorial family: lifestyle, role functions in the field of scientific everyday life), *Antropologiya akademicheskoy zhizni: mezhdisciplinarnyye issledovaniya* (The Anthropology of Academic Life: Interdisciplinary Research), vol. 2. ed. G. A. Komarova, IEA RAN publ, Moscow, pp. 226–249. (In Russ.)
7. Lupanova, IP 2007, "Minuvsheye prokhodit predo mnouy...". *Kniga o perezhitom* ("The past passes before me..." A book about the past), Petrozavodsk State university publ, Petrozavodsk. (In Russ.)
8. Markovskaya, YeF 2022, 'Vremya i lyudi pervoy poloviny XX veka: semya Lupanovykh' (Time and people of the first half of the 20th century: the Lupanov family), *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of Petrozavodsk State University), vol.44, no.5, pp. 33–40, doi: 10.15393/uchz.art.2022.785 (In Russ.)
9. Repina, LP 2011, *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsialnyye teorii i istoriograficheskaya praktika* (Historical science at the turn of the 20th-21st centuries: social theories and historiographic practice), Krug publ, Moscow. (In Russ.)
10. Suleymanova, OA 2021, *Migrancy i veshchi: opyt pereyezda i materialno-bytovaya adaptatsiya gorodskikh semey Kolskogo Severa* (Migrants and things: the experience of moving and the material and everyday adaptation of urban families in the Kola North), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
11. Tykanova, YeV & Khokhlova, AM 2016, 'Osnovnyye ponyatiya i podkhody v sotsiologicheskem izuchenii zhiznennykh putey' (Key concepts and approaches in sociological life course studies), *Vestnik SPbSU* (Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology), no. 3, pp. 4–19, doi: 10.21638/11701/spbu12.2016.301 (In Russ.)
12. Filimonchik, SN 2021, 'Zhizn universiteta v 1940–1970-e gody glazami professora I. P. Lupanova' (University life from the 1940s to the 1970s through the eyes of Professor I. P. Lupanova), *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii* (20th Century and Russia: Society, Reforms, Revolutions), no. 9–2, pp. 122–131. (In Russ.)
13. Filimonchik, SN 2022, 'Rossiyskiy universitet serediny XX veka kak kommunikatsionnoye prostranstvo v knige I. P. Lupanova "Minuvsheye prokhodit predo mnouy" (Russian university of the mid-twentieth century as a communication space in Irina Lupanova's book "The Past is Passing before Me"), *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of Petrozavodsk State University), no. 44 (5), pp. 54–63, doi: 10.15393/uchz.art.2022.788 (In Russ.)
14. Frumkin, KG 2022, *Lyubovaniye uchyonym sosloviyem: Otrazheniye sotsialnoy istorii sovetskoy nauki v literature, iskusstve i publichnaya ritorike* (Admiring the learned class: Reflections of the social history of Soviet science in literature, art and public rhetoric), Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)